

Тураев Борис Александрович

История Древнего Востока

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Б82

Б82 **Борис Александрович Т.**
История Древнего Востока: Том 1 / Тураев Борис Александрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 360 с.

ISBN 978-5-519-77888-6

ISBN 978-5-519-77888-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переиздаваемый Ленсоцэкгизом капитальный труд покойного академика Б. А. Тураева, обнимающий 5 тысячелетий истории культуры человечества, был напечатан в 1913 г. студенческим издательским комитетом при историко-филологическом факультете тогдашнего Петербургского университета. В 1917 г. Б. А. Тураев пополнил свою «Историю Древнего Востока» рядом вставок и между прочим написал новую главу об истории Персии эпохи Сасанидов. В 1923 г. издательство Брокгауз-Эфрон решило опубликовать этот дополненный труд Б. А. Тураева и попросило Н. Д. Флиттнер и В. В. Струве быть редакторами его. В 1924 г. появился первый том этого издания под названием «Классический Восток», обнимавший введение и историю Вавилонии до XVI в. Последующие тома не могли появиться в виду ликвидации издательства Брокгауз-Эфрон. Сданный в печать второй том «Классического Востока» с дополнениями Н. Д. Флиттнер при этом затерялся.

Данное издание, предпринятое Ленсоцэкгизом, появится под старым названием, которое выбрал для своего труда Б. А. Тураев — «История Древнего Востока». В виду краткости срока подготовки переиздания мы решили ограничиться лишь самыми существенными добавлениями и исправлениями. В первый том издания входят первый том «Классического Востока» и вторая часть первого тома «Истории Древнего Востока», изд. 1913 г., посвященная истории Египта до исхода Нового царства. Второй том нового издания соответствует второму тому издания 1913 г., расширенному в 1917 г. дополнениями Б. А. Тураева.

«История Древнего Востока» Б. А. Тураева среди прочих соответствующих трудов является до сих пор непревзойденной по своему широкому охвату как в отношении пространства, так и в отношении времени. «История Древнего Востока» по мысли автора охватывала в пространстве мир, простирающийся «от Кавказского хребта и Средней Азии до Персидского залива, Южной Аравии, страны африканских озер, от рубежа Ирана и Индии до Геракловых столпов». Во времени «История Древнего Востока» обнимала период, начиная с образования первых классовых обществ за пять тысячелетий до нашей эры.

Б. А. Тураев выполнил полностью эту программу своего труда, объявленную им в введении. Он дал не только историю главнейших обществ Древнего Востока, как вавилонского, так и египетского, но включил в свое изложение и историю всех прочих древних обществ Передней Азии и северо-восточной Африки. Труд Б. А. Тураева в этом отношении является не только более исчерпывающим, чем «Древняя история народов Классического Востока» Г. Масперо, но превосходит даже соответствующую часть грандиозного труда Эд. Мейера «История древнего мира», посвященную истории древне-восточных обществ. Правда, может быть, смерть помешала Эд. Мейеру переработать в более полном виде историю древнейшего периода классового бытия человечества. Последняя часть второго издания его «Истории древнего мира» — вторая половина второго тома, появившаяся уже после смерти его в 1931 г. — обнимает собой историю Востока лишь с XII до середины VIII в. Но каков бы ни был охват нового издания «Истории древнего мира», доведенного до конца Эд. Мейером, перед нами на данный момент тот факт, что «История Древнего Востока» является пока единственным трудом, написанным одним автором, который довел историю Вавилонии, Сирии, Палестины, Ирана, Египта, Карфагена, Нубии, Аксума вплоть до позднейшего эллинизма.

Вполне понятно, что столь всеобъемлющий труд был создан лишь в конце жизни Б. А., в качестве итога всей его предшествующей напряженной научной работы. Многочисленные издания древне-восточных памятников и текстов русских и иностранных музеев, специальные исследования, крупные монографии, диссертации, университетские курсы и даже такой монументальный труд, как «Египетская литература», являлись лишь отдельными архитектурными частями того величественного исторического построения, которое объединило в себе развитие всех древне-восточных обществ.

В качестве особой заслуги Б. А. Тураева, как историка, надо отметить, что он с одинаковым вниманием и интересом отнесся ко всем разнообразным обществам, которые подлежали его обзору и оценке. Хотя он, подобно большинству историков Древнего Востока, по своей специальности был египтологом, он с равной объективностью рассматривал наравне с культурой Египта и культуру Вавилонии. В этом отношении Б. А. стоит неизмеримо выше, нежели Эд. Мейер, который также, как известно, был египтологом. Последний, в своем пристрастии к Египту, обратился со всем ожесточением против теории панвавилонизма, стремившейся выводить всю культуру человечества из одного центра — Вавилонии. Эд. Мейер, опираясь на труды ассириолога и астронома патера Куглера, выступил против перегибов панвавилонской школы. В вопросе же о древности астрального мировоззрения и вообще астрономических достижений Вавилонии в пылу полемики Эд. Мейер и Куглер сами допустили перегиб и пытались доказать, что лишь в халдейскую эпоху (т. е. в I тысячелетии до н. э.) сложилось астральное богословие и создавалась астрономия Вавилонии. В борьбе же с панвавилонизмом Эд. Мейер пытался доказать большую древность и вместе с тем большую значимость египетской культуры по сравнению с вавилонской и поэтому в своем изложении он ставит на первое место египетское общество и лишь на второе место вавилонское. Б. А. избежал этих перегибов Эд. Мейера, несмотря на то, что он в такой же степени четко и опре-

деленно видел все ошибки и заблуждения панвавилонизма. Вот его подлинные слова: «В ряде своих исследований они хотят заставить весь мир, все человечество, не исключая Японии и до-колумбовской Америки, видеть в Вавилоне своего учителя: все мифологии мира они выводят из вавилонского звездочетства; в самой истории Древнего Востока они распоряжаются произвольно, не стесняясь самыми смелыми гипотезами и самыми рискованными построениями. Подвергая полному пересмотру материал, они слишком стараются везде говорить новое и слишком злоупотребляют правом историка заключать о предыдущем на основании более известного последующего. При этом они теряют всякую историческую и лингвистическую перспективу». Вполне осознав таким образом всю порочность панвавилонской теории, Б. А. вместе с тем не отрицал значения вавилонской культуры для древнего Средиземноморья. Отнюдь не настаивая на большей древности вавилонской культуры перед египетской, он признавал большую действенность первой перед второй и поэтому он начинал изложение истории Древнего Востока с истории Вавилонии. Мы лично полагаем, что подобное распределение материала при изложении истории Древнего Востока вполне правильно. Если и на данном этапе наших знаний мы не можем твердо и точно установить, какое из обществ — египетское или вавилонское — является более древним, то зато от Вавилонии дошли до нас и судебник Хаммурапи и большое количество хозяйственных документов, рисующих характер общества. Поскольку от Египта такого материала до нас не дошло, то поэтому и придется для истории Египта пользоваться некоторыми умозаключениями по аналогии с вавилонским материалом.

В вопросе о древности астрального мировоззрения Вавилонии Б. А. также избежал перегибов Куглера и Эд. Мейера. По мнению Б. А. Тураева «то, что уже в клинописи идеограммой бога служит знак звезды, доказывает, что уже в глубокой шумерийской древности этот астральный характер не был чужд представлениям о богах. Затем астрализация божеств проводится последовательно: Мардук был сопоставлен с планетой Юпитером и созвездием Тельца, Набу с Меркурием, Ниниб с Сатурном и звездой Ориона, Нергал — с Марсом, Истар с Венерой, Сириусом и, может быть, созвездием Девы, семь злых духов — с плеядами». Он видел свидетельство о древности астрального богословия и в мифе о мироздании, который хотя и дошел до нас из библиотеки Ассурбанипала, но являлся, очевидно, простым ассирийским переводом мифа. В пятой таблице, как известно, подробно повествуется о сотворении небесных светил, знаков Зодиака и их отношении к 12 месяцам. Все это свидетельствует о больших познаниях вавилонян в области астрономии уже в эпоху первой вавилонской династии. Указывая на повествование пятой таблицей мифа о мироздании, о сотворении небесных светил, знаков Зодиака, Б. А. признавал большую древность некоторых частей вавилонской астрономии. Такую сдержанность по отношению к выводам Куглера уже в 1913 г. надо особо отметить, ибо тогда реакция против Куглера еще не началась. Она началась лишь с 1915 г. со стороны таких ассириологов и астрономов, как Вейднер, Виролло, Унгнад, Фосорингэм, Шнабель и др. Их выводы нашли отражение в капитальном труде одного из крупнейших ассириологов современности Б. Мейсснера, посвященном культуре Вавилонии и Ассирии. Мы имеем здесь следующее суждение о древности астроло-

гического мировоззрения в Вавилонии: «факт, что знание неба и его явлений является в Вавилонии и Ассирии чрезвычайно древним, мы видим уже по одному тому, что богословие всегда было неразрывно связано с астрологическими измышлениями». Поэтому и Б. Мейсснер, как и Б. А. Тураев, излагает вавилонскую религию в тесной связи с астральным мировоззрением. Оба они видят в обозначении бога звездой в вавилонской клинописи доказательство того, что уже в глубокой сумерийской древности астральный характер не был чужд представлениям о богах.

Большой ценностью труда Б. А. Тураева является богатая насыщенность конкретным материалом из различных сторон общественной жизни древне-восточных народов. Мы здесь имеем в виду в первую очередь не фактическую сторону изложения курса, а огромное количество выдержек из первоисточников. Если взять тексты первоисточников, иллюстрирующие курс, то мы получим солидную хрестоматию по истории народов Древнего Востока. Б. А. Тураев обладал энциклопедическими знаниями в своей области, что относится к владению им и древне-восточными языками. Вследствие этого, в основной своей массе, переводы источников были выполнены им самим, что естественно необычайно повышает ценность этой части труда. В большинстве случаев Б. А. Тураев, базируя свои положения на том или ином источнике, приводит из него пространные выдержки, а весьма часто приводит его с небольшими сокращениями или просто полностью. Эту часть труда нашему читателю надлежит использовать в первую очередь при изучении научного наследства Б. А. Тураева, бывшего первоклассным филологом.

Переходя к методу исторического исследования Б. А. Тураева, следует сразу отметить, что он нас ни в коем случае не может удовлетворить. Б. А. Тураев был весьма далек от марксизма, более того, никогда не выступая в своих работах прямо против принципов марксистского анализа исторических фактов, он тем не менее стоял на диаметрально противоположных позициях, которые являлись целиком идеалистическими.

Прежде всего в отношении определения места и значения древне-восточных обществ в общем процессе исторического развития человечества он, целиком следуя за немецкими и французскими исследователями (Мейер, Масперо и др.), отделил резкой чертой историческое развитие обществ Переднего Востока (Древнего Востока в узком смысле этого термина) от древнейших периодов истории Индии и Дальнего Востока. В результате этого получилось недопустимое отделение и противопоставление исторического развития древнейших обществ Египта, Вавилонии, Ассирии, Персии и т. д. историческому развитию народов Индии и Китая. В то время как первые полноправно вошли, как предшественники античной культуры Средиземноморья, в общее построение всемирной истории, вторые оказались в стороне от нее. Между тем общества Индии и Китая и страны Переднего Востока, на этом этапе исторического развития, характерны одними и теми же социально-экономическими закономерностями и представляют единое целое — одну формацию. Не существовало каких-либо специфических отдельных путей развития обществ Индии и Китая, отличных от развития обществ Египта или Вавилонии. Это чрезвычайно ярко подтверждается и всеми последними археологическими откры-

тиями и указывает на полную ложность наименования «Классический Восток», предложенного французским историком Г. Масперо, который закреплял это противопоставление восточных народов между собою и в исторической терминологии.

Определение социально-экономических закономерностей, характерных для древне-восточных обществ, занимает у Б. А. Тураева второстепенное место. В целом для древне-восточных обществ Б. А. Тураевым устанавливается феодальный строй, что также отражает чрезвычайную зависимость его концепции от исторических построений буржуазных ученых Запада. Им оставляются в тени факты, говорящие о чрезвычайно сильном развитии рабства и его месте в социальной структуре Египта и Вавилонии, и, естественно, в связи с этим отсутствует разбор процессов напряженной классовой борьбы между рабами и рабовладельцами, имевшей место на Древнем Востоке. История Древнего Востока получает у него свое развитие не в процессе борьбы антагонистических классов, а в результате завоеваний и смены одних царских династий другими. Такое крупное событие в истории древне-египетского общества, как социальная революция рабов и общинников, яркую картину которой мы имеем в известном Лейденском папирусе, завершающая процесс классовой борьбы эпохи Среднего царства, остается совершенно неотмеченной и попадает в рубрику неясных «смут», как называет Б. А. Тураев периоды обострения классовой борьбы, — оставляется без должного исторического анализа.

В настоящий момент, после целого ряда исследований, посвященных пересмотру конкретного материала памятников социально-экономической истории Древнего Востока, и давшей большие результаты дискуссии об определении его социально-экономической формации, мы имеем отличное от построений Б. А. Тураева определение социально-экономического строя древне-восточных обществ. Процесс разложения первобытно-коммунистических отношений архаической формации дает нам основные антагонистические классы не феодальной формации, а первое в истории деление общества на два класса — класс рабов и рабовладельцев. Борьба двух этих классов и дает нам с момента образования древне-восточных государств вплоть до конца древне-восточной истории основное противоречие, движущее развитие древне-восточных обществ. Произведенный пересмотр фактического материала с одновременной проработкой высказываний основоположников марксизма по поводу исторического развития обществ Востока целиком опроверг существование извечного феодализма в странах Древнего Востока и троцкистскую теорию о существовании какой-то особой «азиатской» формации.

В действительности социально-экономическая структура обществ Древнего Востока определяется как ранний этап рабовладельческой формации. В отличие от античных обществ Греции и Рима, также принадлежащих к рабовладельческой формации, в обществах Древнего Востока преобладающей формой эксплуатации рабов было крупное рабовладение. Сторонники же «азиатского способа производства» извращали единство и последовательность развития общества в период докапиталистических формаций. Кроме архаической, рабовладельческой и феодальной формаций они утверждали особый, отличный от западных обществ путь социально-экономического развития восточных обществ. Троцкистская концепция

«азиатского способа производства» давала неверное историческое определение классовой структуры в странах современного Востока, смазывала процессы классовой борьбы в них и тем самым являлась контр-революционной по отношению к развитию революционного национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах Востока.

Центр интересов самого Б. А. Тураева лежал не в выяснении социально-экономических основ исторического развития древне-восточных обществ, а в рассмотрении развития духовной культуры Древнего Востока и преимущественно основ его религиозной идеологии. До революции Б. А. Тураев стоял чрезвычайно близко к кругам церковных деятелей (был членом «Поместного Собора Российской церкви» и лектором «Богословского института») и по своему мировоззрению целиком примыкал к ним. Это естественно не могло не отразиться на его подходе к культуре древне-восточных обществ. Он много занимался историей первохристианства, историей коптской и абиссинской церквей. В исследовании духовной культуры различных древне-восточных обществ он прежде всего останавливался на религиозной идеологии. Им тщательно отмечались все элементы развития религиозной идеологии древне-восточных обществ в сторону приближения ее к христианским религиозным верованиям: религиозный синкретизм и зарождение монотеистических идей, характер религиозных представлений, связанных с верой в загробное существование, нормы религиозной этики и т. д. Если не одни эти моменты, то во всяком случае именно они для Б. А. Тураева были основными и решающими при определении высоты культурного развития того или иного конкретного общества Древнего Востока.

Б. А. Тураев не рассматривал древне-восточные религии как уродливый нарост идеологий народов Древнего Востока, находящий себе для данного этапа исторического развития свое закономерное материалистическое объяснение, не вскрывал и для данного периода общественного развития реакционную сущность религии, а наоборот, считал ее прогрессивным моментом в развитии данных обществ. Этим чрезвычайно ярко иллюстрируются слова В. И. Ленина о том, что всякий идеализм есть путь, дорога к поповщине. Б. А. Тураевым этот путь был пройден целиком. Указанная установка Б. А. Тураева пронизывает все построение его труда и это надо постоянно иметь в виду, равно как то, что его интерпретация исторического развития отдельных древне-восточных народов основывается конечно на изначально приписываемых им духовных качествах.

Здесь мы переходим к вопросу о расовой теории, как она нашла свое преломление в труде Б. А. Тураева. Нельзя сказать, что он был ярким приверженцем расовой теории, но несомненно, что она нашла свое значительное отражение в его построениях. Она проявилась у него в первую очередь в двух вопросах: в вопросе классификации древне-восточных языков и трактовке их взаимоотношений между собою, и в менее четкой форме при определении роли миграций на Древнем Востоке. В вопросе классификации языков и народов Древнего Востока Б. А. Тураев придерживался точки зрения так наз. индо-европейской теории буржуазной лингвистики, по которой все наличные языки земного шара делятся на ряд языковых семей, восходящих в свою очередь к искусственно реконструктивному праязыку, а их носители,

естественно, к соответствующему пранароду. Таким образом, отдельные древне-восточные языки не представляли, исходя из этой теории, отдельного исторического этапа единого процесса глоттогонии, а являлись этапом развития одного какого-либо праязыка. Таким образом, например, все семитические народы и языки исторически имели где-то в Аравии свою прародину, пранарод и праязык; более того, к ним присоединились и хамитические народы Северной Африки. Этот неизвестный культурный очаг и дал путем ряда миграционных волн распространение семитических и хамитических племен по территориям долины Двуречья, Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки. Но новое диалектико-материалистическое учение о языке академика Н. Я. Марра дает нам резко отличную картину исторического развития языков и, следовательно, принцип их классификации, хотя бы на частном примере древне-восточных языков. Путь единого процесса языкотворчества заключается не в развитии языка от праязыкового единства к множественности, а наоборот, от множественности языков к единству. Близость языков, наличие в них общих закономерностей, которые объединяют известную группу языков в систему (по старой терминологии — семью языков), являются результатом социального схождения их носителей, и каждая языковая система — семья является лишь конкретным историческим этапом — одной из стадий единого процесса языкотворчества. Исходя из этого, древне-египетский язык на новых методологических основаниях определяется как занимающий исторически промежуточное положение между стадиями исторического развития языков хамитической и семитической систем.

Мы отнюдь сейчас не отрицаем исторически бывших миграций отдельных племен и народов Древнего Востока, но мы придаем им иное значение, чем это делается сторонниками индо-европейской теории, точно так же, как и фактам культурного заимствования. В буржуазной исторической науке миграциями чрезвычайно часто объясняются резкие изменения и движения вперед культуры какого-либо общества, особенно на ранних этапах его социально-экономического развития. Миграцией обычно объясняют, например, внезапный расцвет египетской культуры при перерастании доклассового общества в классовое в долине реки Нила. Б. А. Тураев отрицает факт изменения культуры древне-египетского общества в эту эпоху в результате одной внезапной миграции, но вместо этого говорит о длительном проникновении чужеземных племен в Египет и занятии ими всей территории Нильской долины, результатом чего было деление египетского государства на ряд отдельных провинций — номов. В данном конкретном случае он в несколько смягченном виде все же проводит теорию миграций, как фактор, оказавший огромное влияние на развитие египетской культуры. Это будет по существу отрицанием революционного характера перехода от архаической доклассовой формации к классовому обществу, игнорированием имевшихся налицо в доклассовом обществе в момент его разложения внутренних противоречий, разрешаемых революционным взрывом старых общественных отношений и переходом общества к классовой структуре. При признании внешнего фактора — миграции со всеми вытекающими из этого последствиями за фактор, движущий развитие общества, в основу кладется реакционное положение о том, что не все народы по данным своего духовного развития способны к самостоятельному развитию, а потому резкое изменение в прогрессивном культурном развитии того или иного

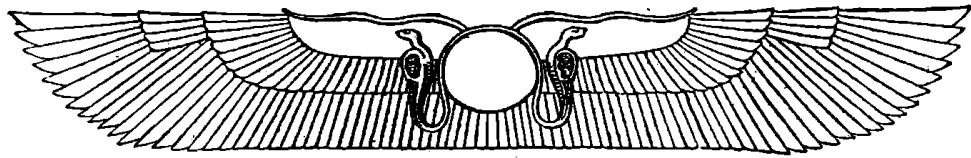
народа возможно лишь под «руководством» (читай при завоевании или порабощении) со стороны соседнего народа, стоящего на более высоком уровне своего социально-экономического развития. Такое понимание миграции является для нас совершенно неприемлемым и служит на современном этапе лишь теоретическим обоснованием империалистической политики господствующих классов капиталистических стран в отношении колониальных и зависимых стран Востока. В этом виде миграционная теория является лишь разновидностью расовой теории фашизма.

В характеристике взаимоотношений природы и общества, влияния естественно-географической среды на развитие древне-восточных обществ, Б. А. Тураев примыкает к группе исследователей, чрезвычайно переоценивающих роль географического фактора в истории (Реклю, Мечников и др.). В изданном первом томе «Классического Востока» Б. А. Тураев прямо ссылается на Мечникова и, следуя за ним, считает области великих речных долин «школами государственности», утверждая этим совершенно ложную теорию, по которой государство является не продуктом непримиримости классовых противоречий, а результатом влияния естественно-географической среды на общество.

Мы здесь смогли остановиться лишь весьма кратко на главных недостатках труда Б. А. Тураева, не оговаривая более мелких вопросов, что потребовало бы значительно больших размеров предисловия.

В. В. Струве, И. Л. Снегирев

Ленинград, 24 июня 1935 г.

ВВЕДЕНИЕ

История Древнего Востока — первая глава истории человечества, история цивилизаций, генетически предшествовавших эллинизму и христианству. Необычайный интерес и важность изучения этого периода истории вызвали соревнование народов в отыскании и разработке богатого наследства, оставленного народами Древнего Востока, и в настоящее время энергичные археологические исследования и интенсивная работа над добытым материалом ежедневно обогащают науку новыми открытиями, в несколько десятилетий заново создавшими эту отрасль исторического знания. Еще не забыто то время, когда об этой половине, по времени, истории человечества знали только то, что сохранила нам библия и пересказали, нередко в превратном виде, греческие писатели. Вследствие этого, за отсутствием данных и недостатком научного метода в эпоху априорных логических построений всеобщей истории, ни одному отделу последней не приходилось столько терпеть от этих ненаучных операций, как нашему. Все это изменилось почти на наших глазах. Истекшее столетие заставило говорить камни, испещренные древне-восточными письменами, и открыло как на поверхности земли, так и в недрах ее, литературы и архивы культурных народов, потомки которых не сохранили исторической традиции. Изучение непосредственных свидетелей их исторической жизни рассыпало в прах здания, выстроенные из негодного материала априорных историко-философских теорий, и положило фундамент тому, что со временем будет иметь право называться историей Древнего Востока. В настоящее время это здание воздвигается, и из года в год мы наблюдаем его быстрый рост и расширение, значительно выходящее за пределы предполагавшегося на основании априорных соображений плана. Правда, еще не наступило то время, когда мы будем иметь возможность говорить об истории Древнего Востока так же, как мы говорим теперь о других периодах истории, но и в настоящее время мы располагаем уже многими несомненными выводами, знаем хорошо многие эпохи и можем с большей или меньшей полнотой проследить по современным событиям письменным и вещественным памятникам жизнь культурного человечества больше чем за три тысячелетия до н. э. Само собою понятно, что ряд веков должен был подготовить это развитие.

Такая древняя цивилизация, которая начала собою историю человечества, конечно, оказала могущественное влияние во все стороны и на все эпохи. В настоящее время, под влиянием необыкновенных результатов новых открытий, в науке замечается течение даже слишком переоценить это влияние. Но если мы и не пойдем за крайними представителями этого направления, все же огромное влияние цивилизаций, развившихся в восточном углу средиземноморского мира, на весь примыкающий район и на все протяжении истории, до нашего времени включительно, не может подлежать сомнению. Можно даже спросить, не устарел ли в настоящее время самый термин

«история Древнего Востока» так же, как и традиционные термины для других отделов истории древнего мира.

Термин «Восток», который мы прилагаем к странам, выработавшим начало всемирно-исторической цивилизации, представляет наследие римского времени и той культурной двойственности, при которой романизованному Западу противопоставлялся эллинистический Восток. Сначала для римлян «Востоком» было все за Иллирией, и это наглядно выразилось в разделении империи. Однако, неоднородность этого «Востока» сознавалась его населением и выражалась между прочим в реакциях против эллинизма. Уже диоклетиано-константиновская префектура «Oriens» обнимает только Египет и передне-азиатские провинции империи с придатком Фракии и второй Мизии; диоцез «Oriens» уже ограничивается только Сирией. Таким образом, наш термин греко-римского происхождения, но для древних классических народов он был скорее географическим, чем культурно-историческим. Для нас дело обстоит иначе. С одной стороны, наша цивилизация захватила район неизмеримо больший, чем классическая, и проникла в страны, для которых области древних цивилизаций отнюдь не могут быть названы восточными, с другой — и древне-восточная культура имела свое распространение на западе и юге и, достигнув блестящего развития в Карфагене, приобщив себе Нумидию, Мавританию и (через Египет) тропическую Африку, она тем самым сделала «Древний Восток» условным культурно-историческим термином для обозначения стран древних цивилизаций, возникших к востоку от Греции и непосредственно хронологически и духовно предшествовавших греко-римской.

Археологические изыскания в областях греческой культуры, энергично ведущиеся со времен Шлимана и в наше время увенчавшиеся такими неожиданными результатами на острове Крите, доказали, что за много веков до 1-й Олимпиады и даже до «Троянской войны» здесь процветала богатая культура, близко примыкавшая к древне-восточным и находившаяся с ними в постоянном общении. Вместе с тем почти доказано, что и древнейший культурный народ Италии — этруски, оказавшие такое могущественное влияние на Рим, — восточного происхождения. Таким образом, история Древнего Востока начинает превращаться в древний период истории средиземноморской культурной области. Но можно пойти еще дальше и предложить вопрос, в каком отношении к «Древнему Востоку» находятся те области, которые являются «Востоком» для нас и которые также обладают древней цивилизацией? Можем ли мы назвать этот древний период истории средиземноморской культурной области древне-восточным по месту происхождения цивилизации, и если да, то в каком смысле? Имели ли Древний и Дальний Восток общий корень культуры, или их цивилизации возникли независимо и потекли по параллельным руслам? Наука пока не дает ответа на этот вопрос [лишь в смысле полноты освещения]. Китайская и вавилонская, даже древне-американская культуры имеют немало аналогий; посредственные сношения между ними могли существовать, но сведения об этом еще слишком несовершенны. [Чрезвычайно интересны в этом отношении последние раскопки древнейших культур Индии и Китая. На основании этих раскопок в настоящий момент уже можно твердо говорить о чрезвычайно близком социально-экономическом развитии обществ древнейшего Китая и Индии и Передней Азии. Совершенно несомненно, что общества древнейшей Индии вели довольно оживленный обмен с районами Иранского плоскогорья и южной частью долины рек Тигра и Евфрата]. Поэтому нашему рассмотрению будут подлежать исторические судьбы народов, среди которых элементы этой цивилизации возникли [наиболее рано], т. е. египтян, древнейших обитателей Сеннаара, затем семитов Вавилонии и Ассирии. Далее следуют народы, культура которых менее самостоятельна и находится в большей или меньшей зависимости от двух предшествующих, а именно: а) семиты Сирии, Аравии и Финикии, пересадившей семитическое население и восточную культуру на Дальний Запад; б) племена «алародийской» или «яфетической» расы, которая, занимая северные